

чено, что и в XIII—XIV вв. данная традиция сохранилась, хотя ее проявления и претерпели известные метаморфозы. Об учете доходов от ремесленной деятельности говорит сам факт перечисления в практиках ремесленников. Очевидно, эти доходы учитывались в виде надбавки к основной подати, исчисляемой в зависимости от размеров движимого и недвижимого имущества. Более того, возможно, что при обложении телосом учитывались не только доходы от ремесленной деятельности, но и в какой-то мере принимались в расчет и размеры той земли, которую парики имевшие на паричском праве небольшие участки или вообще лишены паричских держаний, арендовали на различных условиях. В пользу этого предположения говорят следующие соображения. Парики, лишённые земли или имевшие ее в недостаточном количестве, добывали средства для несения налогового тягла и других паричских обязанностей за счет иных, так сказать, непаричских источников благосостояния. В предшествующий период (X—XI вв.) аренда париками частнособственнических земель на разных условиях, отличных от паричского права, как известно, не приводила к тому, что арендованные земли изымались из сферы государственного обложения. Во-первых, пакт (разновидность арендной платы) учитывался при определении ридзы (общей налоговой суммы с податного округа), во-вторых, через 30 лет арендатор чужой земли становился ее держателем на паричском праве и соответственно подлежал занесению в кадастры как налогоплательщик³. В XII и XIV вв., как свидетельствуют отдельные (правда, их сохранилось немного) данные, арендаторы чужих земель на условии уплаты пакта по прошествии 30-летнего срока по-прежнему рассматривались как арендаторы, а не держатели паричского надела и не подлежали налоговому обложению. Налог за соответствующие земли платил собственник земли⁴.

Несомненно, государству было бы с формальной точки зрения выгодно, если бы парики — арендаторы земель крупных земельных собственников через 30 лет превращались в держателей этой земли на паричском праве и платили бы телос, поскольку телос в этот период, в отличие от налога с земель, не поделенных на стаси, включал не только подъемный и поземельную подать, но и сборы с движимого имущества, а также доходы с ремесленной деятельности.

Но так было теоретически, с точки зрения фискальных порядков. Практически же в силу предоставления крупным собственникам податного иммунитета налоги с соответствующих владений не поступали в казну, и, как правило, оказывалось совершенно безразличным, взимался ли чисто формально с какого-либо участка телос или же только поземельный налог — непосредственно с собственника. Это обстоятельство, т. е. освобождение крупных собственников от уплаты налога, привело, очевидно, к тому, что в ряде случаев арендатор земель крупных собственников не становился через 30 лет париком. Господствующими фискальными порядками, таким образом, практически не функционировали на экзимирированных землях. Однако данный случай являлся все же прецедентом, но не нормой. Известны факты, когда монастырские парики платят одновременно подать и другому лицу⁵. Это происходит, возможно вследствие того, что парики монастыря вначале арендовали земли не своего, а чужого собственника, т. е. являлись для этого последнего ксеносами.

³ Литаурин Г. Г. Указ. соч., с. 67.

⁴ Об этом свидетельствует сопоставление contemporaneous, относящихся к одним и тем же владениям, описей Ивирского монастыря, разделенных промежутком времени, превышающим 30 лет. Речь идет об описях 1316 и 1341 гг. И в тех и других упоминаются одни и те же участки под виноградником, переданные в аренду на основе уплаты пакта. См.: Dölger F. Sechs byzantinische Praktika des 14. Jahrhunderts für das Athoskloster Iberos. — Abhandlungen der Bayer. Akad. der Wiss., Philos.-hist. Kl. N. F., 1949, Heft 28, A 316, V, 331—332.

⁵ Actes de Lavra, N 73.